

Научная статья
УДК 811+81'272+811.531

Лингвистическая интерференция как социокогнитивный феномен

Т. С. Мозоль

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
yoondanhee@gmail.com

Аннотация. Проблема лингвистической интерференции сочетает в себе как когнитивные, так и социальные аспекты, в связи с чем представляется важным изучение данного явления в рамках социокогнитивной лингвистики. Лингвистическая интерференция может действовать как на коллективном (языковая политика и культурные модели), так и на индивидуальном уровне (нарушение существующих языковых норм ради достижения высшей коммуникативной нормы). При этом оба уровня тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены друг другом.

Ключевые слова: лингвистическая интерференция, языковой контакт, норма и вариативность, языковая политика, англо-корейский языковой контакт

Для цитирования: Мозоль Т. С. Лингвистическая интерференция как социокогнитивный феномен // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 5 (886). С. 78–85.

Original article

Linguistic Interference as a Sociocognitive Phenomenon

Tatiana S. Mozol

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
yoondanhee@gmail.com

Abstract. The problem of linguistic interference combines both cognitive and social aspects, therefore it seems important to study this phenomenon within the framework of sociocognitive linguistics. The linguistic interference (contact-induced linguistic changes) is realized both at the collective level (language policy, cultural models) and at the individual level (violation of existing linguistic norms for the sake of achieving the highest communicative norm). Both levels are closely interconnected and interdependent.

Keywords: linguistic interference, language contact, norm and variation, language policy, the English-Korean language contact

For citation: Mozol, T. S. (2024). Language interference as a sociocognitive phenomenon. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(886), 78–85. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Исследования в области языковых контактов и лингвистической интерференции отличаются междисциплинарностью и пересечением с довольно широким спектром разнообразных подходов. Фактически лингвистическая интерференция представляет собой область, которая максимально открыта для многих междисциплинарных проблем как внутри социолингвистики, так и за ее пределами: например, проблем языковой политики, нормы и узуса, диалектного варьирования, билингвизма, усвоения языка, языковой личности, культурной идентичности и др. Несмотря на открытость исследований в этой области к использованию различных подходов, теоретический аппарат и методы когнитивной и социокогнитивной лингвистики к проблеме языковых контактов и интерференции последовательно не применялись. Интерес к рассмотрению лингвистической интерференции и шире языковых контактов в когнитивной лингвистике стал появляться относительно недавно. Некоторые ученые даже указывают на необходимость создания нового направления – когнитивной контактной лингвистики, исходя из того, что языковая интерференция всегда предполагает долговременную (системную) реконцептуализацию или текущее (дискурсивное) реконструирование фрагментов действительности у носителей языка-реципиента, поэтому в качестве локуса языкового контакта может рассматриваться концептуальная система индивида или концептуальная картина мира языкового коллектива [Cognitive Contact Linguistics, 2019].

Трактовка лингвистической интерференции как социокогнитивного феномена представляется целесообразной также в контексте тенденции социального поворота (социального усиления), которая наблюдается в XXI веке в когнитивных науках и когнитивной лингвистике, в частности. Данный поворот определяется как одно из важнейших направлений развития когнитивной лингвистики в будущем, многие ученые: Г. Кристенсен, Р. Дирвен (G. Kristiansen, R. Dirven, 2008), У. Крофт (W. Croft, 2009), П. Хардер (P. Harder, 2010), М. Путц, Дж. Робинсон, М. Райф (M. Pütz, J. Robinson, M. Reif, 2014), Р. У. Лангакер (R. W. Langacker, 2016), Е. Домбровска (E. Dąbrowska, 2016, 2020), Д. Гираэртс (D. Geeraerts, 2018) и др. – подчеркивают важность изучения социальных аспектов языка наряду с когнитивными. Так, П. Хардер указывает на то, что невозможно всё рассматривать как исключительно ментальные факты, поскольку формирование и функционирование смыслов в социуме зависит также от взаимодействия на

коллективном уровне [Harder, 2010]. Е. Домбровска также отмечает, что «язык не является исключительно социальным или исключительно когнитивным феноменом», он представляет собою их сочетание [Dąbrowska, 2020, с. 224].

Признание важности социальных аспектов языковой деятельности человека и рост интереса к их изучению обусловили формирование нового направления – социокогнитивной лингвистики (или когнитивной социолингвистики), которая сочетает в себе теоретические подходы и методы когнитивной семантики, социолингвистики, социальной психологии и при этом большее внимание уделяет социальным и этнокультурным параметрам познания и общения в анализе языковых фактов [Ирисханова, 2014]. Внимание социокогнитивной лингвистики приковано не только к структуре языка, но и охватывает прикладные области лингвистических исследований, такие как язык и идеология, языковая политика, прикладная культурная лингвистика, мировые варианты английского языка. При этом центральное внимание в этом междисциплинарном подходе уделяется языковой вариативности. Таким образом, социокогнитивная лингвистика стремится, с одной стороны, обеспечить более широкое понимание построения и вариативности значения, а с другой – объяснить вариативность культурных и когнитивных моделей, наблюдаемых в разных языках, языковых сообществах, обществах и культурах [Pütz, Robinson, Reif, 2014].

Мы исходим из того, что процесс лингвистической интерференции также сочетает в себе характеристики как когнитивного, так и социального характера. При этом, как справедливо отмечают У. Крофт и Р. Келлер, языки не изменяются сами по себе, их меняют люди через свои действия в социуме, поэтому объяснить языковые изменения возможно на основе рассмотрения «действующих индивидов» [Croft, 1990; Keller, 1994]. Несколько видоизменим сказанное, добавим следующее: *объяснить лингвистическую интерференцию можно, изучая индивидов, действующих в социуме*. Таким образом, цель данной работы – обосновать целесообразность похода к рассмотрению лингвистической интерференции¹ как социокогнитивного феномена, в частности в контексте проблемы языковой нормы как одного из центральных понятий в изучении языковых изменений, вариативности и интерференции.

¹В данной работе мы придерживаемся широкого понимания лингвистической интерференции как совокупности всех видов изменений (фонетико-фонологических, лексико-семантических, морфологических, синтаксических, дискурсивных), возникающих в языках как следствие контактов между ними.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В КОНТЕКСТЕ НОРМ ЯЗЫКА И КОММУНИКАЦИИ: ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

Внимание к проблеме языковой нормы в когнитивной лингвистике появилось совсем недавно¹, однако, как отмечают некоторые когнитивные социолингвисты, до сих пор не существует когнитивной теории языковой нормы [Geeraerts, 2010]. В то же время понятие нормы является одним из центральных в понимании сущности явления лингвистической интерференции, поскольку лингвистическая интерференция становится причиной нарушения существующих языковых норм, а усвоение новых языковых элементов в принимающем языке представляет собой, по сути, формирование новых норм [Croft, 2010]. Языковая норма, с социокогнитивной точки зрения, представляет собой разделяемые социумом знания о правильности и уместности той или иной языковой формы или конструкции, о ее типичных формально-структурных и семантических свойствах. Как отмечает Д. Гираэртс, порождение и интерпретация дискурса не являются произвольными (*arbitrary*), они ограничены «коллективным согласием относительно коммуникативной значимости языковых средств выражения» [Geeraerts, 2010, с. 257].

Соответственно, нормы представляют собой социокультурные модели знаний о языке и способах его употребления, которые являются общими для членов языкового сообщества и которые взаимосвязаны со стереотипами коммуникативного поведения, с одной стороны, и с прототипической категоризацией, перенесенной в сферу языка (ср. прототипическое прилагательное, прототипический глагол и пр.). Еще одной важной когнитивной идеей для социокогнитивного понимания взаимосвязи интерференции и нормы является концепция языкового употребления (*Usage-Based Theory*), вследствие чего закрепление (*entrenchment*) явления в языке достигается в результате многократного употребления языкового выражения в речи². В условиях языкового контакта нормы могут подвергаться изменениям, а значит, меняются и структуры знаний, репрезентирующие тот или иной лингвистический или экстралингвистический опыт. В связи с этим закономерно возникает вопрос о соотношении ригидности языковых норм и гибкости языка, знаний о языке и знаний о мире в условиях языковых контактов и активных заимствований. В поиске ответа на этот вопрос Д. Гираэртс приводит теорию Р. Бартч о языковой

норме, поскольку данный подход примиряет собой факт существования языковых норм с процессами языкового развития [Geeraerts, 2010]. Р. Бартч понимает под нормой «социальную реальность понятий языковой правильности; эта социальная реальность обеспечивает координацию между формой и употреблением языковых средств речевым сообществом» [Bartsch, 1982, с. 75]. Она рассматривает коммуникацию как процесс сотрудничества говорящего и слушающего, целью которого является достижение высшей нормы, т. е. эффективной коммуникации. Согласно Р. Бартч, передача говорящим своей позиции, оценки, точки зрения, новых научных взглядов, новых концепций в рамках новых контекстов является непростой задачей при условии соблюдения языковых норм более низкого порядка.

Таким образом, говорящий с целью достижения высшей нормы (т. е. эффективной коммуникации) может нарушать языковые (или коммуникативные) нормы более низкого порядка [там же], а изменения в языке не нарушают нормы, напротив, гибкость языковой системы обусловлена наличием норм, поскольку эффективная коммуникация среди индивидов представляет собой норму высшего порядка. Ради высшей нормы коммуникации говорящий может творчески нарушать нормы более низкого порядка, а слушающий при этом должен проявлять терпимость и желание сотрудничать в процессе интерпретации.

Нарушение норм и возможность изменений позволяют языку адаптироваться в качестве средства передачи изменений в природной, социальной, технической и культурной среде [Bartsch, 1982]. Таким образом, нормы в дальнейшем могут изменяться при репликации и селекции языковых инноваций в процессе изменений, вызванных лингвистической интерференцией. При попадании элементов иностранного языка в процессе лингвистической интерференции в принимающий язык происходит нарушение существующих конвенциональных норм языка. При этом носители принимающего языка имеют «право» на это, если главной целью является эффективное достижение коммуникативных целей (передача нового понятия или смыслового оттенка, оценки, получение желаемого коммуникативного эффекта, позиционирование и самоидентификация самого себя в процессе коммуникации и пр.), в результате чего в дальнейшем происходит расширение и изменение языковых норм. В каждом случае совершения языкового выбора говорящий помещает себя в социум и делает выбор, к какому способу концептуализации обратиться для достижения коммуникативной цели.

¹См. труды I. Itkonen (2008); R. W. Langacker (2008)

²См. труды R. W. Langacker (1987), W. Croft (2000), H.-J. Schmid (2020).

Одним из ярких примеров подобной вариативности ради достижения цели коммуникации (помимо передачи нового понятия, смыслового оттенка или оценки) является позиционирование и самоидентификация самого себя в процессе коммуникации. Так, иноязычные вкрапления и переключение кодов (в языковой паре корейского и английского языков) ассоциируются в южнокорейском обществе с более высоким социальным статусом и образованностью, что обуславливает сосуществование более «высокостатусных» и «низко-статусных» альтернативных форм. Использование стандартного корейского языка причисляет говорящего к более высокому статусу, но при этом использование англицизмов и знание английского языка одновременно наделяет говорящего явным престижем и статусом влиятельного, образованного, профессионального, модного человека (как правило, молодого возраста или средних лет), разбивающегося в современных тенденциях. Другой тип – это вариант, который придает говорящему образ более лояльного, близкого, дружелюбного и приятного в общении, чем в престижном варианте, например, за счет использования одного из корейских региональных диалектов¹.

Кроме того, специфика социокультурной ситуации (например, интенсивный языковой контакт, культурное влияние и т. п.) также оказывает влияние на отклонения в языковой норме. Факторы, поддерживающие языковые нормы, являются частью той же общей реальности, которая поддерживает социальные структуры, поэтому вполне естественно, что влияние и давление извне на общую социальную систему также будет иметь влияние на языковую систему [Harder, 2010], как в случае с иноязычным влиянием в рамках языкового контакта. Язык, таким образом, является объединением гетерогенных, частичных норм, регулирующих языковые практики речевых сообществ. В таком понимании язык существует также, как и другие социальные образования, в качестве аспекта культурной среды, сложного образования, сочетающего в себе ментально обоснованные нормы и социально навязанные условности. Низкая степень структурной целостности подразумевает, что отдельные ее части могут быть удалены, т. е. каждая языковая форма может иметь свое собственное уникальное распределение; каждый говорящий может иметь свои собственные уникальные навыки. Язык существует в «социальной нише», к которой говорящие вынуждены приспосабливаться, а также делать выбор, когда возникает необходимость использования языка в ситуации реальной коммуникации [Harder, 2010].

¹См. исследование южнокорейских лингвистов 최 셋별, 최유정 (2011).

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ: КОЛЛЕКТИВНЫЙ УРОВЕНЬ

Когнитивные лингвисты: Д. Холланд, Н. Куин (D. Holland, N. Quinn, 1987), Дж. Лакофф (G. Lakoff, 1996), Дж. П. Палмер (G. P. Palmer, 1996) и др. – подчеркивают, что мы осознаем социальные реалии в рамках определенных культурных моделей. Язык – это социальная и культурная реальность, следовательно, для понимания явления лингвистической интерференции и изменения (сохранения) языковых норм необходимо выделить социокультурные модели, которые лежат в ее основе и действуют на коллективном уровне.

Согласно Д. Гираэртсу, существуют две противоположные модели: рационалистическая и романтическая, которые представляют собой основополагающие точки зрения относительно языка и языковой вариации и, как следствие, языковой нормы. В рационалистической модели язык рассматривается как инструмент и средство коммуникации, в романтической – считается способом выражения идентичности. Эти модели, по мнению Д. Гираэртса, могут быть применены как к внутриязыковым вариациям, так и к межязыковому разнообразию (отношения между разными языками) [Geeraerts, 2018]. С рационалистической точки зрения стандартный язык и его нормы являются приоритетными, поскольку стандартный язык представляет собой нейтральное, находящееся вне всех диалектов средство коммуникации для всех членов языкового сообщества. Языковые вариации и отклонение от стандартной нормы в рационалистическом подходе не представляет особой ценности и интереса, поскольку большое количество вариаций может затруднять коммуникацию. Эффективная коммуникация, для которой требуется максимальное единообразие и максимальная нейтральность обеспечивает возможность равноправного участия в жизни общества. Рационалистическая позиция тесно связана со стандартизацией языка и языковым планированием. В романтической модели язык рассматривается в большей степени как средство выражения собственной идентичности, поэтому особую ценность приобретает языковая вариативность.

Идея национализма способна объединять в себе рационалистический и романтический подходы с идеями о нации как сообществе коммуницирующих друг с другом людей и нации как сообществе людей с одинаковой идентичностью. В национализме XIX века язык представляется как носитель общей национальной идентичности и в то же время как необходимый инструмент, который

нужен для организации политических институтов, системы образования и т. п.

В последней четверти XX века зарождается новая постмодернистская идеология как своего рода реакция на национализм. Национализм, который внешне может сочетать в себе как рационалистическую, так и романтическую модели, с языковой точки зрения в реальности отдает приоритет одному языку. В постмодернистской модели провозглашается вариативность и принятие всех возможных форм разнообразия. Например, индивид может быть членом меньшинства и в то же время принадлежать ко всей нации или обладать другой идентичностью, которую он выберет, как в культурном, так и в политическом смысле. Реже встречается постмодернистская позиция с функциональной рационалистической точки зрения. В этом случае рационалистическая мотивация также включает в себя логику множественности, логику функционального умножения. В рамках одного языка можно говорить на своем диалекте на местном уровне и на стандартном языке на официальном уровне. С лингвистической точки зрения, это защита функциональной дифференциации, многоязычия, билингвизма и стилистической вариативности. В рамках постмодернизма рационалистическая и романтическая модель также могут объединяться: отдельные люди могут говорить на разных языках, так же как у них может быть разная идентичность. Это имеет смысл как с романтической, так и с рационалистической точек зрения [Geeraerts, 2018].

К примеру, применительно к языковой ситуации в Республике Корея во второй половине XX века после освобождения от японского колониального господства в стране превалировала рационалистическая модель в рамках националистического подхода, и главным направлением языковой политики стало распространение норм стандартного языка и повышение грамотности. Однако в XXI веке в рамках постмодернистской модели, объединяющей в себе романтический и рационалистический подходы, возможно говорить о тенденции многообразия и смешения идентичностей. С точки зрения рационалистического постмодерна в Республике Корея делается большой акцент на функциональной важности национального корейского языка наряду с практической важностью английского языка как средства коммуникации в эпоху глобализации. Знание английского языка помимо национального также стало необходимостью как важное средство коммуникации по мере интенсификации торговых, политических, военных и культурных связей с США и западным миром, знание английского языка гарантирует большую социальную и экономическую мобильность в современном южнокорейском обществе. При этом в соответствии

с романтическим подходом наметилась тенденция признания различных форм идентичности и самоотождествления. В итоге происходит совмещение национальной самоидентификации как представителя корейского народа и идентичности второй языковой личности, которая активно формируется в условиях искусственного и естественного билингвизма в языковой паре корейский – английский, особенно среди жителей городов молодого и среднего возраста. Вместе с этим в романтическом русле происходит постепенное послабление в жесткой языковой идеологии государственного монолингвизма и политики стандартного языка. Так, к примеру, если раньше дети из смешанных семей подвергались полной языковой ассимиляции, то в последние годы наметилась тенденция по сохранению и поддержанию билингвизма и самоидентичности, признания важности сохранения первого (родного) языка у детей из мультикультурных семей. Кроме того, в XXI веке значительно изменилось отношение к диалектам корейского языка, стала подчеркиваться их ценность, необходимость исследования и сохранения [Мозоль, 2022]. В эпоху постмодерна в Республике Корея еще больше усилилась тенденция к признанию многообразия, разных форм идентичности, в том числе языковой, что в условиях интенсивного языкового контакта между корейским и английским языками еще больше способствует проявлению лингвистической интерференции на разных уровнях.

Таким образом, языковая политика и лежащие в ее основе глобальные культурные модели играют важную роль в установлении и поддержании языковой нормы. В частности, на коллективном уровне в рамках языковой политики государства определяется, войдут ли в национальный язык (фиксация в словарях и т. д.) получающие в результате лингвистической интерференции распространение на уровне языкового сообщества иноязычные языковые инновации и приведет ли это в дальнейшем к их воспроизводству во времени (использование следующим поколением).

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ: ВЗАИМОСВЯЗЬ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И КОЛЛЕКТИВНОГО УРОВНЕЙ

В результате языкового контакта в силу разных факторов (практическая необходимость, привлекательность, престижность, стремление идентифицировать себя с англоязычными и др.) индивид воспринимает и усваивает иноязычный элемент, который размещается в его языковой системе. К примеру в случае англо-корейского языкового контакта, после усвоения иноязычного (англоязычного) элемента

индивид начинает использовать его в корейском языке самостоятельно, параллельно или вместо его корейского аналога с целью достижения высшей коммуникативной нормы, иноязычная инновация укрепляется в его идиолекте, это может влиться в совокупный общий процесс уровня всей популяции (нации), найдя отражение в идиолектах многих членов языкового сообщества, частота употребления данной языковой единицы может возрасти, что приведет к усвоению слова в определенных социальных кругах (молодежь, специалисты в определенной профессиональной области) или даже на уровне всего языкового сообщества. Как отмечает П. Хардер, распространение нового языкового элемента в языковой нише запускает эволюционные процессы, являющимся ключевым фактором формирования социокультурной реальности [Harder, 2010, с. 158].

Н. Дж. Энфилд выделяет четыре основные стадии языковых изменений:

1) *экспозиция*: процесс перехода от общественного (внешний мир) к частному (в чье-то сознание), когда человек вступает в контакт и воспринимает или взаимодействует с каким-либо элементом культуры;

2) *репрезентация*: некая идея создается и хранится в сознании, основываясь на результатах экспозиции, под репрезентацией также подразумевается частный продукт этого процесса;

3) *воспроизводство*: процесс перехода от частного (в чем-то сознании) к общественному (во внешний мир), что становится возможным отчасти благодаря мотивации человека вызвать то же публичное событие, что и на стадии 1;

4) *материал*: физический результат воспроизводства предмета культуры [Enfield, 2014].

Учитывая схему стадий языковых изменений, предложенную Н. Дж. Энфилдом, процесс лингвистической интерференции можно представить следующим образом:

1) языковой контакт, в процессе которого элементы иноязычного языкового сообщества переходят в сознание индивида;

2) ментальные процессы, в ходе которых происходит усвоение нового иноязычного элемента;

3) воспроизведение, в ходе которых осмысленный индивидом иноязычный элемент переходит в общественное пространство;

4) действие эволюционных процессов, которое обуславливает распространение и закрепление нового иноязычного элемента среди множества членов языкового сообщества;

5) целенаправленные действия на коллективном уровне, которые включают в себя языковую политику, вхождение в словари и в национальный язык и передачу следующему поколению и др.¹

Таким образом, использование (воспроизводство) языковых элементов на индивидуальном уровне создает основу для последующих языковых изменений, однако при этом важна роль коллективного уровня, поскольку без него все инновации оставались бы как индивидуальные единичные речевые акты, которые сами по себе нельзя рассматривать как изменения в языке. Данный процесс можно изобразить схематически (см. рис. 1).

¹П. Хардер и Р. Келлер в связи с этим говорят о влиянии так называемой видимой и невидимой руки языковой эволюции. По мнению Р. Келлера, эффект невидимой руки заключается в том, что индивиды не создают языковые инновации с целью изменения языковой системы, они могут нарушать языковые нормы с целью эффективной реализации коммуникативных намерений, и, в свою очередь, подобные инновации могут приводить к языковым изменениям. Таким образом, языковые изменения – это ненамеренный эффект намеренных социальных действий [Keller, 1990]. Невидимая рука как особенность процессов отбора и адаптации, а также ее роль по отношению к явлениям культуры (в том числе языку), кардинально отличается от ее роли в биологии и экономике из-за основополагающей роли видимой руки совместных действий. Феномен видимой руки представляет собой важнейший пограничный участок между индивидом и всей популяцией. Координация между индивидуальным и коллективным уровнями означает, что социокультурные факты этим отличаются от биологических [Harder, 2010].

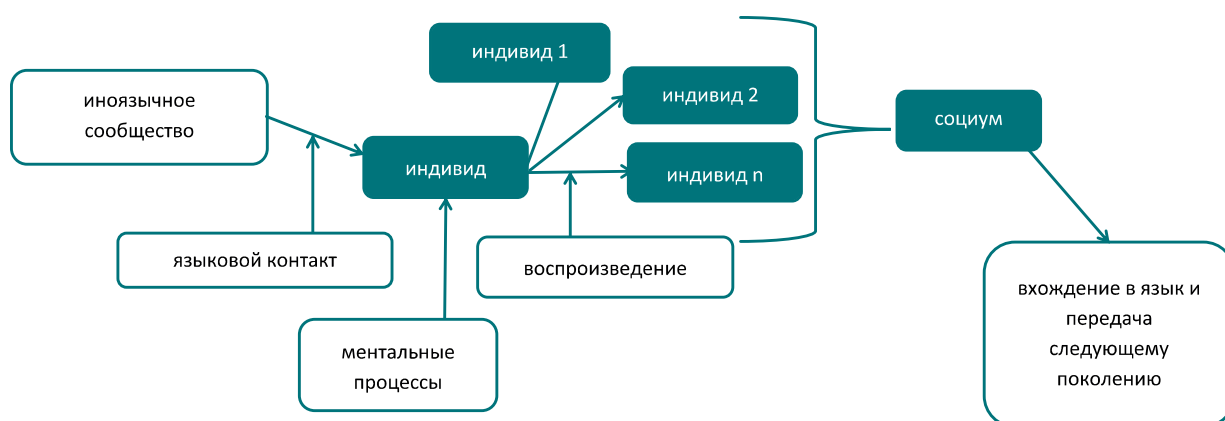

Рис. 1. Лингвистическая интерференция

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема лингвистической интерференции сочетает в себе как когнитивные, так и социальные аспекты, в связи с чем представляется перспективным изучение данного явления в рамках социокогнитивной лингвистики. Предпосылки лингвистической интерференции могут действовать как на индивидуальном (нарушение существующих языковых норм ради достижения высшей коммуникативной нормы), так и на коллективном уровне (языковая политика

и культурные модели). С одной стороны, использование (воспроизводство) языковых элементов на индивидуальном уровне является базовым, без этого невозможно участие остальных частей системы. С другой стороны, действие лингвистической интерференции возможно при задействовании как индивидуального, так и коллективного уровней. Коллективный уровень также играет важную роль, поскольку без его включения возникали бы только индивидуальные единичные речевые акты, которые сами по себе не представляют изменения в языке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Cognitive Contact Linguistics. Placing Usage, Meaning and Mind at the Core of Contact-Induced Variation and Change / ed. by E. Zenner, A. Backus, E. Winter-Froemel. Berlin/Boston: De Gruyter Mouton, 2019. Vol. 62. (Cognitive Linguistic Research / eds.: D. Geeraerts, D. Divjak, J. R. Taylor).
2. Harder P. Meaning in mind and society: A functional contribution to the social turn in cognitive linguistics. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010.
3. Dąbrowska E. Language as a phenomenon of the third kind // Cognitive Linguistics. 2020. Vol. 31 (2). P. 213–229.
4. Ирисханова О. К. Социокогнитивная лингвистика: структуры социальных знаний и проблемы их описания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 4 (041). С. 5–17.
5. Pütz M., Robinson J., Reif M. The Emergence of Cognitive Sociolinguistics // Cognitive Sociolinguistics. Social and cultural variation in cognition and language use / ed. by M. Pütz, J. Robinson, M. Reif. Amsterdam. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2014. P. 1–22.
6. Croft W. Typology and universals. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
7. Keller R. On language change: the invisible hand in language. London: Routledge, 1994.
8. Croft W. Explaining language change: an evolutionary approach. London: Longman, 2010.
9. Geeraerts D. Theories of lexical semantics. NY: Oxford University Press, 2010.
10. Bartsch R. The Concepts "Rule" and "Norm" in Linguistics // Lingua. 1982. Vol. 58. P. 51–81.
11. Geeraerts D. Ten Lectures on Cognitive Sociolinguistics. Leiden/Boston: Brill, 2018.
12. Мозоль Т. С. Языковая политика Республики Корея в XXI веке // Модернизация Кореи: политика, экономика, общество, культура: коллективная монография / отв. ред. Р. К. Тангалычева. М.: ВЦИОМ, 2022. С. 234–258.
13. Enfield N. J. Natural causes of language: Frames, biases and cultural transmission. Berlin: Language Science Press, 2014. (Conceptual Foundations of Language Science, 1).

REFERENCES

1. Zenner, E., Backus, A., Winter-Froemel, E. (Eds.). (2019). Cognitive Contact Linguistics. Placing Usage, Meaning and Mind at the Core of Contact-Induced Variation and Change. Berlin/Boston: Mouton De Gruyter, 2019. (Cognitive Linguistic Research, ed. by D. Geeraerts, D. Divjak, J. R. Taylor, vol. 62).
2. Harder, P. (2010). Meaning in mind and society: A functional contribution to the social turn in cognitive linguistics. Berlin: Mouton de Gruyter.
3. Dąbrowska, E. (2020). Language as a phenomenon of the third kind // Cognitive Linguistics, 31(2), 213–229.
4. Iriskhanova, O.K. (2014). Sociocognitive linguistics and the study of social knowledge structures // Issues of Cognitive Linguistics, 4(041), 5–17. (In Russ.)
5. Pütz, M., Robinson, J., Reif, M. (2014). The Emergence of Cognitive Sociolinguistics. In M. Pütz, J. Robinson, M. Reif (eds.), Cognitive Sociolinguistics. Social and cultural variation in cognition and language use (pp. 1–22). Amsterdam. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
6. Croft, W. (1990). Typology and universals. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Keller, R. (1994). On language change: the invisible hand in language. London: Routledge.
8. Croft, W. (2010). Explaining language change: an evolutionary approach. London: Longman.

9. Geeraerts, D. (2010). Theories of lexical semantics. NY: Oxford University Press.
10. Bartsch, R. (1982). The Concepts "Rule" and "Norm" in Linguistics. *Lingua*, 58, 51–81.
11. Geeraerts, D. (2018). Ten Lectures on Cognitive Sociolinguistics. Leiden/Boston: Brill.
12. Mozol, T.S. (2022). Jazykovaja politika Respubliki Koreja v 21 veke = Language Policy of the Republic of Korea in the 21st century. In Tangalycheva, R. K. (ed.), *Modernization of Korea: Politics, Economy, Society, Culture* (pp. 234–258). Moscow: VCIOM. (In Russ.)
13. Enfield, N. J. (2014). Natural causes of language: Frames, biases and cultural transmission. Berlin: Language Science Press. (Conceptual Foundations of Language Science 1).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мозоль Татьяна Сергеевна

кандидат педагогических наук, доцент
заведующая кафедрой восточных языков переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mozol Tatiana Sergeevna

PhD (Pedagogy), Associate Professor
Head of the Oriental Languages Department
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

14.02.2024
12.03.2024
09.04.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication